

Сестра — жена —
вдова:
Феномен Аграфены
Челядниной и ее
семейства*

A Sister—A Wife—
A Widow:
The Phenomenon of
Agrafena Chelyadnina
and Her Family

Анна Феликсовна Литвина

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Anna F. Litvina

HSE University,
Moscow, Russia

**Федор Борисович
Успенский**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Fjodor B. Uspenskij

Vinogradov Institute for Russian
Language of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В центре внимания нашего исследования — фигура Аграфены Челядниной, воспитательницы Ивана Грозного, которую великий князь Василий III на смертном одре наделил особыми полномочиями. История ее жизни неразрывно связана с историей двух ее семей, родительской и мужниной:

---

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Языки и тексты русской культуры XI–XVIII вв.: проблемы интерпретации», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. Авторы признательны Н. В. Суэтовой (ГИМ) за неоценимую помощь в подготовке этой статьи.

Цитирование: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Сестра — жена — вдова: Феномен Аграфены Челядниной и ее семейства // *Slověne*. 2024. Т. 13, № 2. С. 48–81.

Citation: Litvina A. F., Uspenskij F. B. (2024) A Sister—A Wife—A Widow: The Phenomenon of Agrafena Chelyadnina and Her Family. *Slověne*, Vol. 13, № 2, p. 48–81.

DOI: 10.31168/2305-6754.2024.2.02

обе они играют чрезвычайно важную роль в придворной и государственной жизни вплоть до 70-х годов XVI в. Особое внимание уделено вкладу Аграфены 1531 г., шитому воздуху «Положение во гроб» со святыми и праздниками: детальный анализ этого предмета благочестия в сочетании с исследованием актового материала и ономастическими разысканиями дает ключ к загадке клана Челядниных. Сформированная таким образом просопографическая картина позволяет расширить наши представления о жизни правящего дома и придворной элиты этой эпохи.

Ключевые слова

средневековая Русь, Василий III, Иван Грозный, род Челядниных, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, светская христианская двуименность, личные небесные покровители, церковный календарь

Abstract

The article examines the figure of Agrafena Chelaydnina, the governess of Ivan the Terrible. Grand Duke Vasiliï the Third gave her specific authority prior to his death. Her life is strongly linked with the history of two families—her parents' and her husband's. Both of them played a very significant part at the court and in state policy until the 1770s. The article pays specific attention to Agrafena's 1531 indow—embroidered veil *The Entombment* with saints and holidays. Detailed analysis of this artifact of devotement, as well as research on acts and onomastics can solve the question of Chelyadiny. This prosopographic picture allows broadening the perspective on the life of the ruling house and court elite of the time.

Keywords

Late Medieval Russia, Vasiliï III, Ivan the Terrible, Chelyadniny clan, onomastics, name-giving in pre-Petrine Rus', saints' cult, Church calendar, holy patrons, dual naming of lay Christians, baptismal name

Аграфена Федоровна Челяднина могла бы по праву стать одной из самых знаменитых женщин Руси XVI столетия. Чего стоит одно только ее летописное упоминание в качестве мамки Ивана Грозного, от которого умирающий отец ребенка велит ей не отходить ни на пядь. Еще более необычно ее положение родной сестры всесильного фаворита Елены Глинской, Ивана Телепнева-Оболенского: после кончины великой княгини в 1538 г. Аграфена вместе с братом оказывается в оковах, но его уморили в темнице, а она была пострижена в монахини и отправлена в Каргополь — отдаленную великокняжескую вотчину. Даже из этого беглого перечня очевидно, что Аграфена Челяднина упоминается в источниках едва ли не чаще большинства своих знатных современниц и родственников.

Казалось бы, ей суждено было сделаться героиней множества исторических сочинений и научных исследований, однако на деле

представления о ее жизненном пути обрывочны и изобилуют неверными утверждениями, так что можно без преувеличения сказать, что биография боярыни Челядниной попросту еще не написана. Между тем уточнение и выявление разнообразных генеалогических и ономастических данных позволяет, как кажется, подступиться к осмыслению того одновременно экстраординарного и типического положения в родовой и придворной жизни, которое она занимала. Попробуем изложить здесь несколько наблюдений, небеспольных, на наш взгляд, для ее будущего биографа, поневоле перемежая данные совершенно новые и оригинальные со сведениями хрестоматийными и общеизвестными.

I. Сестра

В историографии устоялось своеобразное нарративное клише относительно роли Аграфены в головокружительной карьере ее родного брата, князя Ивана Федоровича Овчины Телепнева-Оболенского, сделавшегося самым близким человеком для овдовевшей в 1533 г. великой княгини Елены Глинской. Наиболее определенно и в то же время сдержанно оно представлено, пожалуй, в монографии М. М. Крома [2010: 158]: «...своим возвышением кн. И. Ф. Овчина Оболенский был во многом обязан своей сестре — Аграфене Челядниной, мамке маленького Ивана IV, входившей в ближний круг великой княгини Елены. Это она, надо полагать, открыла брату доступ в дворцовые покои. И чин конюшего, вероятно, достался ему по свойству с Челяднинными».

Данная версия развития событий представляется нам вполне правдоподобной, но при этом требующей некоторых уточнений и пояснений. Они тем более необходимы еще и потому, что такая фабула уже не раз подвергалась романтической беллетризации, когда юная великая княгиня уже чуть ли не на собственной свадьбе с Василием III обращает внимание на молодого князя Телепнева-Оболенского. На деле к моменту женитьбы Василия Ивановича (и уж тем более его кончины) ни Аграфена, ни Иван Федорович не были столь уж молоды — Иван впервые упоминается в разрядных книгах под 1510/11 г. в качестве воеводы передового полка в Туле [РК: 117 <л. 67>], Аграфена же овдовела к 1516 г., успев родить по крайней мере одну дочь¹, а к 1530 г. она уже обзавелась двумя внуками.

---

¹ Согласно А. А. Зимину [1988: 174], к моменту своего вдовства Аграфена Федоровна была матерью не одной, а трех дочерей, однако это утверждение все же следует считать историографическим недоразумением. Судя по всему, оно возникло из-за того, что исследователь перепутал двух Василиев Андреевичей — интересующего нас супруга Аграфены, боярина и дворецкого Василия Андреевича Челяднина, не обладавшего княжеским достоинством, и князя Василия Андреевича Микулинского, Именно дочь последнего (а отнюдь не дочь

Иначе говоря, Челяднина, по-видимому, вышла замуж примерно в ту пору, когда ее брат сделался воеводой, а то и несколько ранее. Таким образом, оба они никак не могли быть сверстниками Елены Глинской, вернее было бы допустить, что последняя была близка по возрасту к дочери Аграфены (что в целом соответствует известной нам лишь по XVII столетию практике назначения воспитательниц наследника власти, когда мамкой могла сделаться скорее женщина в годах, например, родная бабушка царевича с материнской стороны). Соответственно, Ивана Федоровича Теляпнева-Оболенского отнюдь не следует представлять в роли молодого соблазителя юной великой княгини, а его участие в придворной жизни началось не со смертью Василия Ивановича, но со второй женитьбы правителя. Весьма вероятно, что возвышению князя Ивана действительно способствовала его сестра, однако нет никаких сомнений, что оно было санкционировано самим Василием III. Что еще более существенно, именно Василий «сконструировал» то особое положение при дворе, которое заняла Аграфена Челяднина. Действительно, на смертном одре великий князь незаурядным образом закрепил и усилил ее полномочия², да и мамкой наследника она сделалась по его же воле тремя годами ранее, сразу же, как только будущий царь Иван появился на свет³. Чему же в таком случае была обязана подобным возвышением сама Аграфена Федоровна?

Челяднина), Александра Васильевна, в 1546 г. пишет завещание, где упоминает о собственном браке и о браках двух своих сестер, Анастасии и Ксении: «Се язъ Олександра княжъ Васильева дочь Ондреевича, а Федоровская жена Ивановича Беззубцова, а и во иноцѣхъ Ефросинья, пишу себѣ память духовную своимъ цѣльмъ уомъ...» ([Акты юридические 1838: 450 <№ 419>; АФЗХ, II: 192–193 <№ 191>]; ср.: [АФЗХ, II: 201 <№ 200>]). Говоря об этом завещании, Н. П. Лихачев [1900: 98–99] справедливо исходил из того, что речь здесь идет о дочерях князя В. А. Микулинского, однако А. А. Зимин, ссылаясь исключительно на соответствующую статью Лихачева и не приводя каких-то дополнительных аргументов, решил, что княгиня Беззубцова и ее сестры были дочерьми В. А. Челяднина. Подобному утверждению, помимо всего прочего, противоречит тот факт, что в духовной Беззубцовой никак не упомянута Мария Челяднина, по другим документам надежно и однозначно идентифицируемая как дочка Василия и Аграфены Челяднинных (см. о ней далее), а в документах Марии Васильевны Челядниной, в свою очередь, отсутствуют какие-либо упоминания о ее родных сестрах или их мужьях.

² «И принесоша к великому князю сына его на руках князя Ивана шурина его князя Ивана Глинской. А за ним прииде Огрофена Васильева жена Ондреевича <...> И приказа же тогда Огрофене, штоб еси Огрофена от сына моего Ивана не отступала ни пяди. И отпусти сына своего великого князя Ивана. Тогда же прииде к нему великая княгиня Елена, едва же дръжаху ея брат его князь Андрей Иванович, а о другую сторону боярыни Олена Иванова жена Ондреевича Челяднина» ([ПСРЛ, XXXIV: 22 <л. 41–41 об.>]; ср.: [ПСРЛ, IV/1 (2000): 560; XIII: 415; XXIX (2009): 124]).

³ Мы доподлинно знаем, к примеру, что она не только участвовала в церемонии крещения новорожденного княжича 4 сентября 1530 г., но именно на нее была возложена обязанность сопровождать младенца из Москвы в Троице-Сергиев

Как мы попытаемся продемонстрировать ниже, ее успех оказался результатом сочетания удачного замужества и личных качеств, утраты же — ее собственные и ее детей — были напрямую связаны с Телепневыми-Оболенскими, к которым она принадлежала по рождению. Падение брата, очевидным образом, повлияло не только на ее собственную судьбу, но трагически отразилось и на судьбе ее внука. Сыновей у Аграфены не было, зато мы знаем по крайней мере о двух отпрысках ее дочери, Марии Васильевны: от первого брака с князем Дорогобужским у нее были два сына, Иван и Дмитрий. Оба они, судя по Бархатной книге, умирают бездетными [БК, I: 66]. Иван был казнен вместе со своим двоюродным дядей Федором Телепневым-Оболенским, сыном фаворита, причем, согласно Постниковскому летописцу, племяннику всего лишь отсекали голову, тогда как дядю по царскому приказу посадили на кол, и произошло это 3 января 7055/1547 г. [ПСРЛ, XXXIV: 29 <л. 60>]⁴.

монастырь, как и положено первой из его воспитательниц: «Бѣ же воз устроен от чръвьята постава, прочая же вся выше слова, понеже царьская колесница — все с преумножением опасениа. Внутрь же колесница, идѣже бѣ отроця — царев сын, что възможет повѣдати, какова заповѣдания и устроениа. Бяше бо там о двѣ женѣ вдовѣствующи: едина же от них попремного от благородных и благоговѣйна сущи, яковѣ же бѣ достоит поручити таковое дѣло, ей же имя Агрипѣна Васильева. Третья же, у нея же отроця, иже сподобися имѣти при перьѣх того царьскаго сына, нам бо не мнитца простѣ ей быти по духу, понеже по смотрению бог вся строит; просто бо такое дѣло не бывает» [Розов 1965: 284 <л. 6>]. Здесь и далее выделение разрядкой в цитатах принадлежит нам.

⁴ В «Истории» Андрея Курбского для описания родства между Федором Ивановичем Телепневым-Оболенским и Иваном Ивановичем Дорогобужским использован интересный термин родства «стрыечный брат» [Курбский, 2015: 156 <л. 93–93 об.>]. В целом этот полонизм довольно редок на русской почве, но Курбский явно испытывает к нему пристрастие, однако употребляет его заведомо шире того значения, которое отражено в «Словаре древнерусского языка XI–XVII вв.»: в нем интересующий нас термин толкуется как «двоюродный брат» [СлРЯ, XXVIII (2008): 201]. Курбский же именует так Владимира Андреевича Старицкого, который действительно приходился двоюродным братом царю Ивану, но при этом аналогичным образом называет и некоего Семена Яковлевича по отношению к царице Анастасии, между тем как тот мог быть либо ее троюродным братом, либо двоюродным дядей, но никак не двоюродным братом; так же называет он и еще неких лиц, генеалогические связи которых нам восстановить не удастся. Иными словами, автор «Истории», по-видимому, склонен довольно свободно применять словосочетание «стрыечный брат» к родственникам через дядю или неродным дядьям. Что же касается Федора Телепнева-Оболенского, то он, разумеется, приходился Ивану Ивановичу Дорогобужскому двоюродным дядей, а отнюдь не двоюродным братом — именно *дядей* он совершенно справедливо и назван в летописи. В самом деле, Аграфена Федоровна и Иван Телепнев-Оболенский, повторимся, родные брат и сестра; Мария, дочь Аграфены, и Федор, сын Ивана, — брат и сестра двоюродные; соответственно, Федор приходится сыну Марии (внуку Аграфены) не кем иным, как двоюродным дядей. К. Ю. Ерусалимский, вероятно, безоговорочно доверяя словарному толкованию термина «стрыечный брат», порождает некий генеалогический фантом, совмещающий в себе образы дочери (Марии) и матери (Аграфены), и приписывает последний брак с князем Дорогобужским, будто бы предшествовавший браку с Челядиным [Курбский

Андрей Курбский говорит, что Ивану Ивановичу, который оставался единственным сыном у матери, было тогда 18 лет отроду [Курбский 2015: 154, 156 <л. 93>]. Соответственно, он был лишь немногим старше своего погубителя: Ивану Грозному шел семнадцатый год, когда он казнил внука своей мамки Аграфены Федоровны.

Юный государь накануне свадьбы очевидным образом сконцентрировался в своем истреблении на всех лицах мужского пола, связанных узами кровного родства с Иваном Овчиной Телепневым-Оболенским, которого некоторые, по слухам, считали отцом самого царя Ивана. Темная молва, сплетающая воедино Челяднинных и Телепневых-Оболенских, еще долго подпитывала самые тревожные подозрения Грозного, и благодаря им не оскудевала сама⁵. Его тезка, молодой князь Иван Иванович Дорогобужский, лишившийся родителя еще в 1530 г. и не имевший родных дядьев ни с отцовской, ни с материнской стороны, вероятно, воспринимался как человек, принадлежавший дому Телепнева-Оболенского, своего двоюродного дяди по материнской линии, что и привело его к ужасному концу. Наши сведения о быте русских великих князей недостаточны, чтобы знать наверняка, случилось ли двум Иванам вместе играть в детстве, но учитывая, что один был воспитанником Аграфены Челядниной, а другой ее родным внуком, такое допущение представляется нам позволительным и оправданным.

Не менее печальной была и участь матери Ивана Ивановича Дорогобужского, дочери нашей Аграфены — ей не только довелось пережить гибель сына во времена ранних грозненских репрессий, но и самой сгинуть в годы опричнины, однако мрачный финал ее жизни был связан скорее со вторым замужеством, и потому речь о нем пойдет в другой части нашей работы.

2015: 741 <к л. 93об.-1>]. Излишне говорить, что это противоречит всем известным хронологическим и генеалогическим данным (ср.: [Лихачев 1900: 75–77] и далее в нашей работе), да и об ошибке Курбского здесь говорить неоправданно: он просто употребляет словосочетание «стрыечный брат» шире, чем это зафиксировано в современной словарной статье.

⁵ Так, в «Послании» Таубе и Крузе, составленном в совсем иной период грозненского правления, царские речи о собственных недругах, будто бы посягающих на его престол, принимают, в частности, такую форму: «...после смерти его благочестивого отца хотели его лишить законного права наследования и сделать своим государем выходца из рода Челяднина Barbatta (vnechten Herkommen der Scledina Barbatta)» ([Ewers 1816: 194; Рогинский 1922: 33–34]; ср. также: [Hoff 1582: 12]). Что два этих ливонских дворянина в 60-е — 70-е годы XVI в. могли доподлинно знать о событиях 30-х годов, нам неизвестно, что творилось в душе и в сознании царя Ивана, если он и впрямь продолжал думать о Челяднинных в такой перспективе, неизвестно вдвойне. Однако благодаря их свидетельству — вне зависимости от их соответствия каким бы то ни было реальным фактам — становится очевидно, сколь чувствителен был царь к имени Челяднинных на протяжении всей своей жизни. О выражении «из рода Челяднина Barbatta» у Таубе и Крузе см.: [Benoit 2020: 345–346 <примеч. 56>].

II. Жена

1. Брачный обиход Челядниных. Матримониальная судьба княжны Аграфены определялась тремя факторами, которые способны были сойтись воедино лишь на переломе эпох. Первый из них достаточно тривиален и универсален, тогда как второй особенно ярко проявляется на Руси в XVI — начале XVII в.: с одной стороны, подобно множеству других женщин, новые возможности она приобрела именно благодаря браку, с другой стороны, в полной мере воспользоваться ими она смогла лишь сделавшись вдовой, не принявшей монашеский постриг. Третий же фактор связан со своеобразным «феноменом Челядниных», формирование которого характерно, скорее, для XV — первой половины XVI столетия.

Секрет близости этого клана к великокняжескому дому состоял в особом типе родственных связей с ним. В самом деле, Челяднины не были Рюриковичами по происхождению и, соответственно, не могли считаться родством с правящим домом по мужской линии. Не работала для них и самая распространенная форма брачного социального лифта: князя из московского дома не брали в жены их дочерей. Зато самим Челядниним доводилось жениться на женщинах, происходящих из великокняжеской семьи — или, если так можно выразиться, зеркально отображать браки великокняжеских дочек.

Так, Иван Михайлович Челяднин, один из основателей этого рода, был женат на Елене, дочери Юрия Патрикеевича, в жилах которой текла кровь великих князей московских. Как известно, в источниках Юрий именуется *зтем* Василия I. Для нас сейчас не столь важно разрешение дискуссионного вопроса, кем именно его супруга приходилась великому князю (дочерью или сестрой) — существенно, что ее собственная дочь, ставшая Челядниной, в любом случае была близкой кровной родственницей правящей семьи.

Следующий эпизод нестандартного брачного сближения семьи Челядниных с царствующим домом состоялся более полувека спустя, когда Иван III выдал свою дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского [ДРВ, XIII: 1–5]. Брак этот продлился недолго, но молодой супруг успел получить в боярской думе положение близкое к тому, которое занимал Иван Юрьевич Патрикеев. Старший же брат этого боярина Василия Холмского, князь Семен Данилович, был женат на Марии Андреевне Челядниной, золовке нашей Аграфены Федоровны. Иными словами, великая княжна Феодосия и Мария Челяднина приходились друг другу *невестками*, женами двух родных братьев. В древнерусской перспективе столь близкое свойство позволяло бы им, например, в обиходе именовать друг друга *сестрами*; более того, «сестрами»

великой княгини оказывались, благодаря этим матримониальным союзам, кровные и некровные родственницы Челядниной — все ее родные сестры и невестки, в нашем случае — жены братьев: Елена (супруга Ивана Андреевича) и Аграфена (супруга Василия Андреевича).

Подобная сеть свойств в родовом мире обладала очень большим запасом прочности и не прекращалась со смертью тех, благодаря кому возникла. Разумеется, проживи дочь Ивана III дольше в замужестве за князем Холмским, столь высокое родство через брак принесло бы Челядниным куда больше практических преимуществ, однако некоторые дивиденды в придворной жизни оно, без сомнения, продолжало давать им и после кончины великой княжны Феодосии.

Неудивительно, таким образом, что к началу XVI в. вокруг Челядниных сложилась чрезвычайно прочная аура близости к правящему дому, когда всякая недолгая опала сменялась скорым возвращением всех прежних милостей. Существует предположение, что пресловутый чин конюшого, символизировавший особую (если не высшую) приближенность к правителю, впервые появляется именно в этой семье и как будто бы специально для нее создан: в свое время он, возможно, был дан тестю Аграфены, Андрею Федоровичу [ДРВ, XX: 8], а затем (и об этом уже можно говорить без тени сомнения) ее деверю, Ивану Андреевичу. Родной брат Аграфены, Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский, занимал его позднее, в пору близости к вдовствующей великой княгине Елене — как уже предполагалось исследователями, на выбор чина для него повлияло свойство с Челядниными. Показательно во всяком случае, что крушение придворной карьеры Ивана и Аграфены в 1538 г. неожиданным образом позволило «выпрямить» своеобразную цепочку преемственности: место боярина и конюшого вновь займет истинный Челяднин — Иван Иванович, сын Ивана Андреевича и племянник Аграфены по мужу [Kollmann 1987: 95; Кром 2010: 158].

Связан ли этот карьерный взлет младшего из Челядниных с его браком? Существует версия — и мы склонны доверять ей — согласно которой Ивану Ивановичу удалось заключить, пожалуй, самый статусный в истории его семьи матримониальный союз, связующий Челядниных с правящим домом. Возможно, он взял в жены не кого иную, как родную сестру великой княгини, Анастасию Васильевну Глинскую⁶. Как кажется, именно такой брачный сценарий способен объяснить картину приема послов в январе 1537 г., изложенную в документах Посольского приказа:

---

⁶ См.: [Kollmann 1987: 281 <примеч. 83>, 283–284 <примеч. 128>]; ср. также: [Кром 2010: 151 <схема 1>; Шапошник 2016: 407–408; Корзинин 2023: 428]. Есть и две другие версии относительно того, с кем вступали в брак Иван Иванович Челяднин и Анастасия Васильевна Глинская, но источниковая база этих гипотез куда слабее и противоречивее — подробнее об этом см. ниже.

И звалъ князь великій пословъ къ руцѣ, а стояли к великого князя для береженія, на правой сторонѣ бояринъ князь Василей Васильевичъ Шуйской, а на лѣвой бояринъ и конюшей князь Иванъ Федоровичъ Оболенской-Овчина, да у князя Василья стоялъ Иванъ Ивановичъ Андрѣевича Челяднинъ, ходилъ у великого князя въ дяди мѣсто ([Сб. РИО 1887: 66]; ср.: [Белокуров 1906: 91]).

Для нас здесь, разумеется, существенна фиксация того замечательно высокого (практически наравне с Шуйским и Телепневым-Оболенским) положения, которое занимает Иван Иванович при малолетнем Иване Грозном, но еще более существенно, пожалуй, как это положение охарактеризовано в тексте — с помощью термина кровного родства, употребленного особым образом («ходилъ въ дяди мѣсто»). Брак с уже покойной теткой великого князя, Анастасией Васильевной и, соответственно, роль дяди по свойству, так сказать, неполного дяди, как нельзя лучше отвечали бы такой характеристике.

Коммеморативный источник дает знать, что жена Ивана Ивановича Челяднина и в самом деле звалась *Анастасией*, и в 1535 г. ее, судя по всему, уже не было на свете — во всяком случае, вклад, который дает по ней И. И. Челяднин в переславский Успенский Горицкий монастырь, более всего похож на поминальный:

Лета 7043-го, месяца апреля 21 день Иван Иванович дал 20 рублей по жене своей Настасии [Антонов 2003: 30]⁷.

---

⁷ В работах разных исследователей можно встретить утверждения, никогда, впрочем, детально не обсуждающиеся, согласно которым супругой Ивана Ивановича Челяднина была княжна Палецкая. Об этом пишет, в частности, С. Б. Веселовский [1963: 128] без ссылки на какой бы то ни было источник своих сведений и при этом справедливо именуется женою Челяднина *Анастасией*. Судя по рукописным материалам исследователя (РАН, ф. 620, оп. 1, д. 51, л. 385об./42об. <№ 10>, 387/44 <№ 10>, 388/41 <№ 17>), данная информация почерпнута им из генеалогического труда князя А. Б. Лобанова-Ростовского [II: 352 <XII, № 10>], который, однако, не знал имени женщины, каковую он прочит в супруги Челяднину, и называл ее «княжна [...] Ивановна Палецкая, дочь князя Ивана Федоровича?», да притом и о ее родовой принадлежности говорил с явным сомнением. Более того, в другом месте А. Б. Лобанов-Ростовский пишет, что за И. И. Челядниним была замужем неизвестная по имени дочь князя Ивана Образца Гундорова [Лобанов-Ростовский, II: 59 <XVIII, № 16->]. Последний матримониальный сценарий представлялся неубедительным А. В. Сергееву [2023: 129] из-за слишком скромного положения предполагаемого тестя Челяднина, Ивана Федоровича Образца. Так или иначе, в доступных нам первоисточниках не обнаруживается никаких подтверждений ни браку с Палецкой, ни женитьбе на Гундоровой, а потому все эти предположения на сегодняшний день остаются весьма сомнительными. Кроме того, женитьба Челяднина на Палецкой или Гундоровой, строго говоря, никак не отрицает возможности его брака с рано скончавшейся Анастасией Глинской.

В свете этих данных особенно интересно свидетельство поздней редакции «Повести о болезни и смерти Василия III», в которой сообщается следующее:

Тогда же князь великій послалъ по великую княгиню, а впередъ великія княгини повелѣть привести сына своего великаго князя Иванна, плача ради великія княгини, уразумѣ бо великій государь болѣзнь свою смертѣную. А самъ на себя положихъ крестъ Петра Чюдотворца, а тогда бысть у него Михайло Юрьевъ да Шигона, да стряпчихъ его бысть въ то время: Иванъ Ивановичъ Челяднинъ да шурина его князь Юрьи Глинской. И привезоша къ великому князю Богомъ дарованнаго ему старѣйшаго сына его царя и великаго князя Иванна, на рукахъ шурина его князь Михайло Глинской, а за нимъ приде боярина его Огрооѣна Василіева жена Ондрѣевича, еще бо ему тогда велми дѣтску сушу, яко тріехъ лѣтъ и тріехъ мѣсяць отъ роженія его ([ПСРЛ, XIII: 414–415]; ср. также: [ПСРЛ, XXXIV: 22 <л. 41>]).

Замечательно, что в этой версии последние часы государя протекают в известном смысле под знаком Челяднинных и Глинских: Иван Иванович наравне и вместе с Юрием Васильевичем Глинским находится при великом князе, когда тот возлагает на себя крест Петра Чудотворца, и тут же на сцене появляются Михаил Васильевич Глинский и наша Аграфена Челяднина, дающие возможность умирающему благословить своего малолетнего наследника.

Разумеется, нельзя не обратить внимание на появление здесь слова «шурин». На первый взгляд, кажется, что Юрий Глинский поименован *шурин*ом Челяднина, что сделало бы гипотезу о браке княжны Глинской и Ивана Ивановича практически бесспорной⁸, ведь обозначения свойства в летописной традиции куда более определены и терминологичны, нежели обозначения кровного родства. *Шурин* — это не кто иной, как брат жены, а Юрий Глинский как раз и приходился Елене и Анастасии родным братом. Однако, к несчастью, более вероятной представляется здесь иная интерпретация этого отрезка текста. По справедливому наблюдению М. М. Крома⁹, точкой отсчета в процитированном повествовании безусловно является умирающий великий князь, а потому форма «его», вероятно, именно с ним и соотносится («...стряпчихъ его...», «...шуринъ его князь Юрьи Глинской», «...шуринъ его князь Михайло Глинской»). Соответственно, можно думать, что перед нами упоминание об и без того известном свойстве Глинских с Василием III, а не прямое указание на факт их свойства с Челяднинным, и речь здесь

⁸ Ср.: [Kollmann 1987: 281 <примеч. 83>, 283–284 <примеч. 128>].

⁹ Электронное письмо от 24 апреля 2024 г.

идет, скорее, о чрезвычайной близости тех и других к великому князю. С другой стороны, именно свойство являлось бы наилучшим объяснением такой близости, не говоря уже о том, что оно делало бы понятным появление Ивана Ивановича Челяднина в роли боярина и конюшего в тот момент, когда его тетка Аграфена и ее некогда всесильный брат Иван Овчина подверглись страшной опале. В самом деле, падение Теплева-Оболенского никак не отменяло бы свойства Ивана Ивановича с юным великим князем, а предполагаемый брак, благодаря которому эта связь возникла, был заключен во времена, уже воспринимавшиеся как давние и стабильные¹⁰.

¹⁰ Существует предположение, согласно которому Анастасия Васильевна Глинская была замужем отнюдь не за И. И. Челядниним, а за одним из князей Сисеевых — наиболее подробно и развернуто оно представлена в комментарии Ю. Д. Рыкова к сочинению Андрея Курбского. Прежде чем приступить к разбору этой гипотезы, необходимо отметить, что в комментаторском блоке этого издания, связанном с браками Челяднинных, имеются явные противоречия. Так, в одной его части, написанной К. Ю. Ерусалимским, утверждается, что именно Иван Иванович был женат на Анастасии Глинской [Курбский, 2015: 739 <к л. 93>, 923], тогда как в другой, принадлежащей Ю. Д. Рыкову, эта версия даже не рассматривается, но утверждается, что ее супругом сделался князь Федор Сисеев [Ibid.: 707–708 <к л. 86-4>]. Дабы аргументировать такую точку зрения, исследователю приходится настаивать на том, что Андрей Курбский допускает две ошибки подряд в рассказе об этом браке. В обсуждаемом отрывке Курбский сообщает, что «за тѣм-то князем Феодором была сестра его [Ивана Грозного. — А. Л., Ф. У.] з двух рожденная дщи князя Михаила Глинского, славнаго рыцера, его же погубила неповинне мати его, сущаго стрья своего, обличающе ее за беззаконие» [Курбский 2015: 144 <л. 86>]. Одна ошибка (впрочем, довольно естественная) связана с тем, что Курбский стремится отсчитывать все генеалогические связи от одного и того же лица, царя Ивана, но иногда сбивается в этом. Для того, чтобы увидеть эту ошибку, нет нужды прибегать к каким-либо внешним источникам, она очевидна при внимательном чтении этого фрагмента: дочь стрья чьей-либо матери приходится двоюродной сестрой самой матери, а ее сыну — двоюродной теткой, а отнюдь не кузиной. Ю. Д. Рыков, однако, полагает, что Андрей Курбский здесь сразу же допустил еще одну ошибку, куда более грубую: с его точки зрения, на самом деле за ярославским князем Федором была не двоюродная сестра матери Грозного (дочка ее дяди), а ее родная сестра. Единственным аргументом исследователя, позволяющим, с одной стороны, утверждать, что Курбский столь существенно ошибается и называет отцом супруги этого Федора совсем не того Глинского, а с другой — установить, о каком именно из ярославских князей здесь идет речь, является завещание Ивана Михайловича, родного племянника великой княгини Елены, сына ее брата Михаила Васильевича. В Духовной, составленной в 1586 г., тот, в частности, пишет: «...да тотке моей княже Феодорове княгине Васил(ь)евича Сисѣеве старице Александре дати после моего живота дватцат рублев денег» [Лихачев 1895: 64 <№ XIX>]. Обратим внимание, что здесь нет ни мирского имени, ни отчества иноки Александры, вдовы Федора Сисеева, однако это не помешало составителям современных генеалогических справочников приписать князю Михаилу Васильевичу Глинскому (а стало быть, и его сестре, великой княгине Елене Васильевне) родную сестру Александру (!), безвестно дожившую до 1586 г. (обзор справочной литературы см.: [Курбский 2015: 708]). Ю. Д. Рыков идет дальше и отождествляет ее с уже известной нам Анастасией Васильевной Глинской, восстанавливая, таким образом, мирское имя старицы Александры Сисеевой и ее точную семейную принадлежность. Между тем ни для первого, ни

Василий Андреевич Челяднин, супруг нашей Аграфены, конюшим побывать, по-видимому, не успел — он не пережил своего старшего брата Ивана. Однако его близость к великому князю не вызывает никаких сомнений: около 1507 г. он сделался дворецким [Зимин 1988: 173], а в 1513 г. уже был боярином. Производит впечатление, в частности, мера его участия в церковных делах государя: как известно, Василий Андреевич был среди тех, кто поддерживал Иосифа Волоцкого, и именно к нему тот обращает одно из своих посланий, уведомляя о происках противников и прося о ходатайстве перед великим князем [Зимин, Лурье 1959: 227–228]. Вкладные книги Иосифо-Волоцкого монастыря оказываются одним из самых ценных источников, позволяющим наблюдать как за жизнью интересующей нас четы Василия и Аграфены, так и за обиходом всей загадочной в своем могуществе семьи Челядниных.

2. Имена Челядниных. Разыскания в области имен и дат — это необходимая основа, по канве которой строится любое биографическое описание. Попросту говоря, нам важно знать главные вехи в жизни этих

для второго у нас, мягко говоря, нет достаточных оснований. Хорошо известно, что термины кровного родства на Руси в эту пору применяются достаточно широко: *братом* охотно именуется не только родной брат, но и двоюродный или троюродный, *бабушкой* — жена двоюродного деда, *дядей* — дядя двоюродный, а *теткой* — весьма отдаленная свойственница и т. д. и т. п. В предыдущих строках завещания И. М. Глинского мы видим, что он называет *теткой* не кровную родственницу, а жену своего родного дяди («...да тотке моей княже Юр(ь)еве Васил(ь)евича Глинског(о) княине старице Евросин(ь)е дати после моег(о) живота дватцат рублев денег»), и уж ничто не могло помешать ему в следующем пассаже завещания именовать *теткой* свою кровную родственницу — двоюродную сестру собственного отца и великой княгини Елены, дочь Михаил Львовича Глинского. Таким образом, нет нужды упрекать Курбского в том, что тот неправильно называет имя отца супруги ярославского князя Федора, да и предположение о том, кем именно был этот князь, высказанное Ю. Д. Рыковым, совершенно не теряет своей убедительности. Не придется нам заодно и додумывать, почему князь Сисеев, якобы сделавшись мужем родной сестры великой княгини, занимал — в отличие от И. И. Челяднина — столь скромное положение в годы малолетства Ивана Грозного.

Каково было мирское имя фигурирующей в завещании старицы Александры, судя по всему, надолго пережившей многих родственников своего поколения, мы на сегодняшний день сказать не можем, и вовсе необязательно ей быть тезкой своей кузины, Анастасии Васильевны. Более того, монашеское имя вполне могло подбираться для нее не по первой букве крестильного, а на каких-то иных основаниях, как это случалось с целым рядом знатных женщин во второй половине XVI — начале XVII столетия. Отметим напоследок, что неверная, на наш взгляд, гипотеза Ю. Д. Рыкова в свое время была безоговорочно принята А. В. Сергеевым [Ш: 263 <№ 9>], Е. Ю. Катасовой [2024: 44–45] и А. Л. Корзининым [2016: 180], хотя последний автор не стал придерживаться этой версии в своей новейшей работе: здесь Анастасия Васильевна Глинская без каких-либо комментариев показана как жена Ивана Ивановича Челяднина [Корзинин 2023: 428].

людей, оставивших столь значимый след в истории XVI столетия, и точно установить, как их, собственно, звали. На этом пути нас поджидают некоторые неожиданности: общепринятая хронологическая и ономастическая информация оказывается в чем-то неверной, а новые данные позволяют увидеть семейно-придворные связи Челядниных в несколько иной перспективе.

Обратимся в первую очередь к фигуре супруга нашей Аграфены и начнем с хронологии. В кратких исследовательских заметках, относящихся к личности Василия Андреевича Челяднина, время его смерти часто указывается не вполне обычным образом — 1516~1518 г. Появление подобного временного промежутка вместо конкретного года кончины объяснялось известным противоречием в показаниях источников: с одной стороны, упоминание о нем как будто бы фигурировало в списках дворецких вплоть до 1518 г. ([Берх 1833: 44]; ср.: [ДРВ, XX: 19]), с другой стороны, известно, что вклад на его посмертное поминовение дается уже 1 февраля 1516 г. Именно записи во вкладных и кормовых книгах Иосифо-Волоколамского монастыря в совокупности с другим активым материалом, как кажется, позволяют установить окончательную ясность в этом вопросе.

Некоторые из вкладов по Василию Андреевичу были сделаны еще при его жизни, по всей очевидности, им самим. В одном из соответствующих текстов его предписывается поминать «з году на год», а далее следует фрагмент, зачеркнутый в рукописи: «до его живота на его именины», после чего указана дата — «марта въ 16». Затем вновь следует зачеркнутая конструкция «а по его животъ» и далее: «а другому быти корму по немъ на его память декабря 21» ([Шаблова 2004: 165 <л. 74 об.>]; ср. также: РГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 395, л. 100). Очевидно, здесь имела место стандартная редактура прижизненной записи, произведенная после смерти вкладчика. Как это обычно бывает, его следовало поминать за здравие на именины, но с самого начала предусматривалось, что после смерти это будет происходить дважды в год, и вторую дату приурочат ко дню кончины. Таким добавленным днем и стало 21 декабря¹¹.

Год смерти Василия Андреевича мы узнаем благодаря грамоте, связанной с его матерью, инокиней Варсонофией Челядниной¹². В Данной,

¹¹ В одной из вкладных книг Иосифо-Волоцкого монастыря фигурирует 22 («кв»), а не 21 декабря (РГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 395: л. 100).

¹² Имя *Варсонофия* в монастыре носила отнюдь не жена Василия Андреевича (наша Аграфена), как ошибочно утверждается, например, в русскоязычной Википедии, а его мать; в 1516 г. Аграфена Федоровна, помимо всего прочего, оставалась миряночкой. Что же касается светского имени старицы Варсонофии Челядниной, то, по-видимому, супруга Андрея Федоровича и мать Ивана и

датированной 1 февраля 7024/1516 г., она говорит об исполнении воли своего скончавшегося сына¹³. Записи же о вкладе из Иосифо-Волоцкого монастыря, как мы уже видели, дают нам число — 21 или 22 декабря. Таким образом, представляется вполне закономерным, что Данная иноки Варсонофии была составлена сразу после сороковин ее сына, и скончался он, соответственно, 21 или 22 декабря 7024/1516 г. Январь 7024/1516 г. Аграфена Федоровна Челяднина встретила уже вдовой.

Как же, однако, звали ее мужа? Ономастический аспект его биографии оказывается еще менее исследованным, нежели аспект хронографический. В самом деле, дата прижизненного поминания Василия Челяднина, 16 марта, несколько неожиданна, потому что она помечена как *именины* — день того святого, который был тезкой поминаемого по крестильному имени. Между тем под этой датой мы не найдем празднований ни одному из довольно многочисленных в месяцеслове свв. Василиев — такого имени здесь попросту нет. Подобные несовпадения, вообще говоря, периодически встречаются в коммеморативных записях и объясняются они, как правило, таким явлением, как светская христианская двуименность, когда человек крещен не тем именем, под которым он широко известен в мирском обиходе¹⁴. Под 16 марта мы

Василия в миру могла зваться *Василисой* или *Вассой*. *Василисой* именуется ее в своих неопубликованных материалах С. Б. Веселовский, не ссылаясь, впрочем, на источник своих сведений (АРАН, ф. 620, оп. 1, д. 51, л. 385/42 <№ 6>, 386/43 <№ 6>, 387об./40об. <№ 10>). Такое утверждение выглядит вполне правдоподобным: во Вкладной книге Новодевичьего монастыря старицу Варсонофию, супругу Андрея Федоровича Челяднина, предписывается помянуть 21 августа [Павлов-Сильванский 1985: 209 <л. 407>]; к этому же дню приурочен и один из вкладов по ее сыне Василии в Успенский Горицкий монастырь [Антонов 2003: 29–30 <л. 18>]. Между тем именно на 21 августа выпадает празднование мученице Вассе и чадам ее. При этом следует учитывать, что в русской традиции имянаращения антропонимы *Васса* и *Василисса* регулярно смешиваются, то объединяясь, то расподбляясь [Успенский, Успенский 2017: 76–77 <примеч. 35>] (ср. потенциально сходную ситуацию с мирским именем матери Стефана, Григория и Ивана Васильевичей Годуновых, которая в записи во Вкладной книге костромского Ипатьевского монастыря показана как *Василисса*, но помянуть ее предписывается на св. Вассу: «Да по ихъ же мѣри по Василисѣ кормъ кормити на пама? еѣ авгѣста в ка <21> ден. А на преставленіе еа кормитъ кормъ сентабра въ зі <17> день» [Книга вкладная... 1728: л. 18]).

¹³ «...Отходя, господине, сего света, приказал сын мой Василей Андреевич к пречистой в Осифов монастырь село на Волоце, Балашково словет, по своей душе. И вы бы, господине, бога ради его поминали, а то вы есте село велели своим приказащиком ведать...» [АФЗХ, II: 68 <№ 70>]. Помимо этого текста, известны грамоты о совместных вкладах свекрови и невестки, иноки Варсонофии Челяднинной и Аграфены Федоровны, сделанные на помин души Василия Андреевича [АФЗХ, II: 65 <№ 65>; Веселовский, 1975: 129 <№ 132>]. Одна из них также датирована февралем 1516 г. (ср. в этой связи: [Лихачев 1900: 76]).

¹⁴ Подробнее о просуществовавшей несколько столетий традиции мирской христианской двуименности см. с указанием литературы: [Литвина, Успенский 2018; 2020; 2022].

Ил. 1. Воздух Аграфены Челядниной «Положение во гроб», 1531 г.
(ГИМ, № 54680 РБ-4554). Общий вид

обнаруживаем память свв. Савина, Папы, Трофима и Фала, Аристовула, Александра, Романа и целого ряда других святых, каждый из которых, строго говоря, мог бы быть небесным покровителем и тезкой Василия Андреевича. Однако все эти календарно-ономастические догадки оставались бы не более, чем расплывчатыми подозрениями, если бы не один артефакт, связанный напрямую с нашей Аграфеной Федоровной.

Спустя полтора десятка лет после кончины мужа, в 1531 г., едва сделавшись мамкой новорожденного наследника престола, Челядни-на знаменует взлет своей придворной карьеры щедрым пожертвова-нием в кремлевскую церковь Рождества Иоанна Предтечи — небесно-го покровителя ее питомца. Этот счастливо дошедший до наших дней вклад представляет собой весьма интересный образчик лицевого ш-тья первой половины XVI столетия (ГИМ, № 54680 РБ-4554), явно еще не занявший подобающего места в истории древнерусского искусства (Ил. 1). Центральной композицией *воздуха* — именно так именуется этот

Ил. 2. Клеймо «Рождество Иоанна Предтечи»

предмет сама Аграфена во вкладной записи¹⁵ — традиционным образом становится сцена «Положение во гроб», на четырех каймах же, выполненных заметно тщательнее, чем изображение на среднике, представлены двадцать четыре клейма с праздниками и святыми.

Наиболее тесно с местом и событием вклада и личностью вкладчицы связаны три соседствующие друг с другом клейма правой каймы (ср.: [Маясова 1983: 355]). На одном мы видим «Рождество Иоанна Предтечи» (Ил. 2), символически кодирующее посвящение храма, куда был отдан воздух. На следующем за ним клейме изображено «Усекновение главы Иоанна Предтечи» (Ил. 3), приходящееся в месяцеслове на 29 августа — именины новообращенного воспитанника Аграфены Челядниной, будущего царя Ивана Васильевича. И наконец, на третьем вышиты три фигуры святых — две мужских и одна женская. Одна из них, как следует из сопутствующей изображению подписи, это не кто иная, как мученица Агриппина («ста́а агрепена») — небесная тезка и

¹⁵ «Во храмъ стго и славнаго прѣрка и прѣчи и крѣтла гднѣ Іоанна Чѣтнаго его Ржѣтва сїи воздѣ положила Василѣва жена Андрѣевича Челяднина Агрипѣна в лѣтѣ з трїдѣсѣт ѣ го <7039/1531>» (ср. также: [Маясова 1983: 352]).

Ил. 3. Клеймо «Усекновение главы Иоанна Предтечи»

покровительница самой Аграфены, единственная святая с таким именем в церковном календаре. Ее память празднуется 23 июня, и, соответственно, на 23 июня выпадали именины Челядниной. Рядом с Агриппиной, по центру клейма, располагается фигура воина с крестом в руке и подписью «сты савинъ». Подпись под правой фигурой с благословляющим жестом гласит «сты василе прозвительъ» (Ил. 4).

Это клеймо с тремя святыми, несомненно носящее патрональный характер, полностью объясняет нам загадочную дату 16 марта из записи о прижизненном корме в Иосифо-Волоцком монастыре (см. выше) и превращает подозрение о светской двуименности Василия Андреевича Челяднина в достаточно твердую уверенность. В самом деле, мученик

Ил. 4. Клеймо «Св. Агрипина, св. Савин и св. Василий»

Савин Египетский обычно фигурирует первым в числе тех, чья память празднуется 16 марта; примеров же, когда в клеймах бок о бок изображены небесные тезки супругов-вкладчиков, в нашем распоряжении более чем достаточно. Благодаря этой композиции на пелене становятся яснее и показания разных синодиков, где в рубрике «Род Челяднин» фигурирует имя *Савин*, которое прежде не с кем было соотнести (см. далее).

Итак, на наших глазах свидетельства трех источников разных типов складываются в единую картину, не оставляющую сомнения в том, что муж Аграфены в крещении был *Савином* и праздновал свои именины 16 марта¹⁶. Что же касается второй мужской фигуры с подписью

¹⁶ В свое время Н. А. Маясова посвятила воздуху Аграфены Челяднинной отдельную работу, где между прочим обратила внимание на загадочность появление образа св. Савина: «И совершенно неожиданна стоящая между ними фигура юного мученика-воина Савина. Святой Савин не был популярным святым и изображался довольно редко. В семьях Огрофены и Василия Челяднинных это имя нам не встречалось» [Маясова 1983: 355]. Исследовательница осторожно предложила свое объяснение этой загадке: она заметила, что одна из памятней св. Савина — 16 марта — это не что иное, как отмеченная в летописи дата кончины

«василе прозвительъ», то это, со всей очевидностью, не кто иной, как св. Василий, пресвитер Анкирский, чья память отмечается 22 марта¹⁷. Следует полагать, что он-то и был покровителем Василия / Савина Андреевича по его публичному имени *Василий*. В целом же случай имянаречения Челяднина являет собой своего рода классический образчик светской христианской двуименности, когда два праздника святым патронам одного и того же лица отделены друг от друга совсем незначительным промежутком в календаре¹⁸. Обыкновенно, в такой ситуации публичное (некрестильное) имя выбирается по семейным соображениям, тогда как имя крестильное (молитвенное, прямое) дается по дню рождения ребенка.

Иными словами, с некоторой осторожностью можно утверждать, что наш Челяднин появился на свет 16 марта, правда, в отличие от времени его кончины, мы не можем сказать ничего определенного про год, в который произошло это событие. Кроме того, удастся установить, что семья Челядниных, столь тесно связанная с московским великокняжеским домом, вообще питала последовательное пристрастие к светской христианской двуименности. Так, в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ, ф. 304/1 № 821) имеется следующая запись:

Корм средней по Иванѣ, молитвенное имя Селиверстѣ, по Челяднинѣ по Иване, да по Еленѣ, по Василии; даль село Новое съ приселки въ Ростовѣ [Леонид Кавелин 1879: 40].

Во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря этот Челяднин фигурирует под своим «молитвенным» (т. е. крестильным) именем:

умершего в 1516 г. новгородского архиепископа Серапиона, с которым при жизни враждовали братья Челяднины, и задалась вопросом: «не в память ли архиепископу, моля у него прощения мужу, вышла Огрофена на своем воздухе святого Савина?» [Ibid.: 366]. Однако Н. А. Маясова не учитывает вкладных записей и синодиков, непосредственно связанных с семьей Челяднина, где присутствует имя *Савин*, и забывает здесь о факторе мирской христианской двуименности, в целом ей вполне известном.

¹⁷ Н. А. Маясова [1983: 355] почему-то (скорее всего, в силу неправильного прочтения подписи к изображению) именует этого святого Василием Парийским, хотя и справедливо указывает на то, что он соименен супругу Аграфены Челядниной.

¹⁸ Василий / Савин Челяднин был не единственным обладателем этой антропонимической пары в интересующую нас эпоху — есть веские основания полагать, что имена *Василий* и *Савин* носил родной сын Владимира Андреевича Старицкого (ср.: [Рыков 2020: 18]). Нам не хватает данных, дабы в точности определить, кто именно из свв. Василиев и свв. Савинов были его небесными покровителями, однако трудно пройти мимо того обстоятельства, что в старицком Успенском монастыре имелась надвратная церковь Василия Анкирского, возведение которой отдельные исследователи связывают с появлением на свет этого княжича [Кавельмахер, Чернышев 2008: 97 <примеч. 80>].

2 <января> Святаго Селивестра, папы римскаго. Година Селивестру Челяднину [Павлов-Сильванский, 1985: 178 <л. 165>]¹⁹.

2 января церковь празднует память двух свв. Сильвестров, среди которых главный, несомненно, Сильвестр папа Римский. О ком из Челядниных здесь идет речь, мы узнаем из Синодика ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 г., где в сплошном перечне поминаемых над именами «Iwa^и. Селивестра. инокоу Алексан^ароу» сделана киноварная приписка «Чъла^ини^и Иванъ Ивановичъ а се мати его Елена» (ОР РГБ, ф. 304. III № 25, л. 198об.). Таким образом, речь здесь идет об уже неоднократно упоминавшемся Иване Ивановиче Челяднине, родном племяннике Василия Андреевича, после гибели князя Телепнева-Оболенского получившего как бы наследственный для Челядниных чин боярина и конюшего.

Более того, родной отец Ивана / Сильвестра Ивановича Челяднина и брат нашего Василия / Савина, боярин и конюший Иван Андреевич Челяднин, окончивший свои дни в литовском плену, также скорее всего был двуименным. Во всяком случае, во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря его поминование назначено на 28 сентября, на празднование «преподобнаго отца нашего Харитона исповедника» [Павлов-Сильванский 1985: 167 <л. 60>]²⁰; существенно при этом, что указанная дата заведомо не связана с днем его кончины (так же, как 16 марта, память св. Савина, ни в коей мере не было днем кончины его брата Василия Андреевича). Этим же числом, 28 сентября, датирован и земельный вклад по Челяднину, сделанный его семьей в Успенский Горицкий монастырь ([Антонов 2003: 29 <л. 17об.>]; ср. также: [Титов 1902: 11])²¹.

Сведения о двуименности трех представителей семьи Челядниных, разумеется, важны и сами по себе — в сущности, никакие полноценные

¹⁹ Сильвестр Челяднин фигурирует и в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. [Кириченко, Николаева 2008: 101 <л. 43>], тогда как во Вкладной книге это имя отсутствует [ВКЛ ТС: 90 <л. 318об.>]. В нескольких синодиках Троице-Сергиева монастыря в главе «Род Челядниных» он показан как *Сильвестр* (ОР РГБ, ф. 304. I. № 814, л. 23об.; ф. 304. II. № 346, л. 36об.).

²⁰ Обратим внимание, что на этот же день, согласно Вкладной книге Новодевичьего монастыря, назначается поминование боярина Григория Васильевича Годунова, чьим крестильным именем, вне всякого сомнения, также было *Харитон* (см.: [Литвина, Успенский 2022: 124–125]).

²¹ Семиотическая нагруженность этой даты становится очевиднее при сопоставлении известия о вкладе по Иване Андреевиче с другими аналогичными свидетельствами этого источника. Особенностью датированных записей в синодике Успенского Горицкого монастыря является тот факт, что сообщение о вкладе здесь часто приурочено к именинам поминаемого или самого вкладчика: 8 ноября (день Михаила Архангела) связывается с даянием Михаила Федоровича Челяднина, 21 ноября (Введение Богородицы во храм) с княгиней Марией Холмской, родной сестрой Ивана и Василия Андреевичей Челядниных, и т. п.

биографические разыскания невозможны без исчерпывающего представления о том, как, собственно, звали героя таких разведок. Однако в данном случае ценность новых ономастических данных этим не ограничивается. Очень любопытен самый характер упоминания двух мирских христианских имен членов этого боярского клана в разнообразных синодиках. Коль скоро мы уже догадались о двуименности наших Челядниных, такие коммеморативные памятники не только подкрепляют наши предположения, но и заставляют еще раз задуматься о совершенно особенном статусе этой семьи. В самом деле, типичная синодичная запись об их фамильном поминовении выглядит следующим образом:

Род Челядин. Помяни господи: Феодора. Агрипины. Петра. Иоанна. Андреа. Карпа. Иоанна. Харитона. Василия. Савина. Селивестра. Иоана. Схимницы Варсонофии. Схимницы Александры. Схимницы Анастасии. Димитриа. Схимницы Анисии. Евникии. Наталии [Павлов-Сильванский, 1985: 229 <л. 27>]²².

Как нетрудно убедиться, здесь рядом стоят имена *Иван* и *Харитон*, *Василий* и *Савин*, *Сильвестр* и *Иван*, но при этом мы уже знаем, что Иван был в крещении *Сильвестром*, Василий — *Савином*, а другой Иван, по всей видимости, *Харитоном*. Иначе говоря, троих интересующих нас Челядниных — Ивана Андреевича, Василия Андреевича и Ивана Ивановича — в синодики записывают сразу под двумя их мирскими христианскими именами, крестильным и публичным²³.

²² Ср. также показания Синодика переславского Успенского Горицкого монастыря: «Иакима, Иоанна, Агрпину, Андреа, инока Феоктиста, Петра, Иакова, Иоанна, Макария, Харитона, Иоанна, Савина, Василия, Дионисия, Иоанна, Евдокею, Евдокею, Ксению, князя Василиа, княгню Еупраксию, князя Феодора, княгню иноку Ефросинию, князь Бориса, Анну, князя Иоанна, Анастасию, иноку Варсонофию, княгню иноку Марфу, Селивестра, Иоанна, Василиа, Матфея, Никиту, иноку Александру, Анастасию, иноку княгню Александру, Феодора, Михаила, княгню Марию, князя Данила, князя Симеона, князя Иоанна, Андреа, Иоанна, Василиа, княгню иноку Варсонофию, иноку Варсонофию, княгню иноку Марфу, князя Димитриа, Василиа, иноку Варсонофию» ([Антонов 2003: 29–30 <л. 18–19>]; ср.: [Титов 1902: 11]).

²³ Нельзя ли заподозрить, что двуименным был и отец братьев Челядниных — боярин Андрей Федорович? Рядом с его именем *Андрей* в синодике Новодевичьего монастыря появляется имя *Карп* («Род Челядин. Помяни господи: Феодора. Агрипины. Петра. Иоанна. Андреа. Карпа. Иоанна. Харитона. Василия. Савина. Селивестра. Иоана. Схимницы Варсонофии...» [Павлов-Сильванский 1985: 229 <л. 27>]), и это при том, что никакой самостоятельной публичной фигуры — Карпа Челяднина — светские документы не фиксируют. Отметим в этой связи, что между именами *Карп* и *Андрей* возможно календарное соответствие: память мучеников Карпа и Папила с дружиной празднуется 13 октября, а на 17 октября приходится память мученика Андрея Цареградского (Андрея от Крита). Так или иначе, потенциальная христианская двуименность в семье Челядниных требует дальнейших разысканий.

Обыкновенно с другими мирянами так не делали: чаще всего в синодик попадает исключительно имя крестильное, порой — имя публичное, довольно редко — оба имени одного и того же лица и уж совсем редко два имени приводятся последовательно для нескольких представителей какого-либо семейства. Такое присутствие двух светских имен в коммеморативных источниках естественным образом предполагает регулярное поминовение по ним обоим. По-видимому, именно так — в два разных дня — поминали Ивана / Сильвестра Челяднина, во всяком случае во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря под 2 января (празднование Сильвестру, папе Римскому) он показан, напомним, как *Сильвестр Челяднин*, а под 7 января (Собор Иоанна Предтечи) — как *Иван Иванович Челяднин* [Павлов-Сильванский 1985: 178 <л. 165>, 179 <л. 170>]²⁴. Так или иначе, повторимся еще раз, что поминовение сразу по двум патрональным святым — большая редкость для этого времени.

В сущности, если говорить о людях XVI в., мы знаем только одну семью, где сколько-нибудь последовательно внедряется традиция по-смертного поминовения на оба дня — и на празднование небесному тезке по имени, полученному в крещении, и на празднование святому соименнику по другому христианскому имени (некрестильному). Речь идет, разумеется, о правящей семье Рюриковичей московского дома. Позднее, к концу столетия и в начале нового века, такая практика очень постепенно будет подхватываться ближним царским окружением, однако именно Челяднины оказались в этом подражании едва ли не первыми.

Принимая во внимание показания синодиков, гораздо легче понять, почему на воздухе, отданном Аграфеной Федоровной в кремлевский храм Рождества Иоанна Предтечи, изображены сразу два небесных покровителя ее двуименного мужа — мученик Савин и пресвитер Василий Анкирский. В данном случае Челяднина следует за великокняжеской семьей не только в молитвенном поминовении супруга по двум его христианским именам, но и в том, что касается запечатления сразу двух небесных покровителей на драгоценных предметах благочестия, которые жертвуются в храмы. Так, оба патрональных святых великого князя Василия III, который, напомним, обладал еще одним именем *Гавриил*, есть, к примеру, на знаменитой пелене Софьи Палеолог 1499 г. [Маясова 1971: 21–22 <Ил. 29–31>], на пелене Соломонии Сабуровой к храмовому образу св. Троицы в Троице-Сергиевом монастыре [Георгиевский 1914:

---

²⁴ Обратим внимание, что Иван / Сильвестр Челяднин, так же, как и его дядя Василий / Савин Челяднин, был наречен в строгом соответствии с господствующей в практике христианской двуименности тенденцией — между датами празднований двум его святым тезкам календарный промежуток совсем невелик (2 и 7 января).

14–15], на пелене «Явление Богоматери Сергию Радонежскому» 1525 г. [Маясова 1971: 25–26 <Ил. 38, 39>], на окладе к рублевской «Троице», выполненной по заказу Ивана Грозного [Спирина 1998: 432 <схема № 1>] и на окладе так называемой «Богоматери Одигитрии Иоасафовской» [Стерлигова 2008: 163]. На пелене Софьи Палеолог 1499 г. есть, кроме того, и изображения двух небесных покровителей ее мужа, великого князя Ивана / Тимофея [Щепкина 1954: 9–10; Маясова 1971: 21–22 <Ил. 29–31>; Николаева 1971: 65–66 <№ 51>]. Множество подобных артефактов, запечатлевших двух тезоименитых святых одного и того же лица, сохранилось благодаря заздравным и поминальным дарам, связанным с Иваном / Титом Грозным и его братом Юрием / Стахией, не говоря уже о царских сыновьях, Федоре / Ермии и Дмитрии / Уаре. Вклад Аграфены Федоровны легко вписывается в эту традицию великокняжеских пожертвований и еще раз демонстрирует особое положение Челядниных при дворе.

Явной знатностью, оправдывающей подобный статус, семья Челядниных заведомо не обладала, но не может ли здесь идти речь знатности, так сказать, потаенной, о кровном родстве с правящим домом, возникшем не благодаря, а вопреки законному браку? Не видел ли Василий III в Челядниных свою биологическую родню? Такое допущение объяснило бы сразу многое — и редкую близость ко двору, и доверие в деле воспитания наследника, и изобретение для них особого чина, и наделение незаурядными матримониальными правами, не говоря уже о преследованиях со стороны Грозного. Однако подобная гипотеза о происхождении Челядниных не может быть ни строго очерчена, ни последовательно верифицирована, причем у нас не только нет строгих аргументов в ее пользу сейчас, но довольно велика вероятность, что они не обнаружатся и в будущем — связи такого сорта могут быть совершенно очевидны для узкого круга современников и при этом не подлежать ни широкой огласке, ни письменной фиксации.

III. Вдова

Размышляя над феноменом Челядниных, не следует забывать, как кажется, что жизненный путь нашей Аграфены отнюдь не сводился к простой производной от ее матримониального статуса, и своей необычной судьбой она была обязана не только происхождению и браку. Ее собственная незаурядность проступает даже сквозь переплетения крайне скупых на подобного рода сведения генеалогических и актовых данных. Напомним, что ее вдовство в миру продолжалось более двух десятков лет, причем никакого старшего мужчины в это время в семье Челядниных не оставалось: свекровь ее была жива, свекор же давно скончался,

а деверь с 1514 г. и до самой своей смерти пребывал в литовском плену. Двум невесткам — Аграфене и Елене, супруге Ивана / Харитона Андреевича — удалось сохранить положение при дворе, во всяком случае, обе они фигурируют в перечне боярынь за столом как на второй свадьбе великого князя Василия, так и при женитьбе его брата Андрея Старицкого. В свадебных разрядах и некоторых других документах до поры до времени они являют собой нечто вроде «сиамских близнецов» — где Елена, там и Аграфена. Так, обе они были свахами со стороны княгини Евфросинии Хованской, когда она выходила замуж за Андрея Ивановича Старицкого в 1533 г. [Кром 2010: 146–148; Корзинин 2023: 429], на свадебных торжествах Василия III и Елены Глинской обе они оказались в числе боярынь, находившихся у постели новобрачных [Корзинин 2023: 425]. Однако когда появился долгожданный наследник и для него потребовалась мамка, выбор великого князя пал на Аграфену, а не на Елену, хотя именно супруг Елены был старшим из братьев и именно он до своего пленения был конюшим государя²⁵. Иначе говоря, перед нами, по всей видимости, ситуация, когда дело было не в формальной семейной иерархии вдов, которая была бы не в пользу Аграфены, но в неких личных качествах супруги покойного Василия / Савина.

Возможно, некоторый отпечаток индивидуального выбора — на этот раз личного выбора самой Аграфены Федоровны — лег и на изготовление того самого драгоценного вклада, шитого воздуха «Положение во гроб». Мы уже имели возможность наблюдать, что здесь весьма характерным для XVI столетия образом была продумана каждая деталь: в вышивке, помимо всего прочего, отразилась целая программа календарных соответствий, связанных не только с личными небесными покровителями самой Аграфены, ее покойного мужа и маленького княжича Ивана Васильевича, но и с храмовым посвящением. Как мы уже отмечали выше, в клеймах есть и сцены «Усекновения главы» и «Рождества Иоанна Предтечи». Предтеченский праздничный цикл становился еще ближе для всей семьи Челядниных. Напомним, что Иоанн Креститель был личным небесным покровителем Ивана / Сильвестра

²⁵ Тем не менее пресловутая синхронность появления Аграфены и Елены Челядниных в источниках отчасти сохраняется (как сохранялась она, по-видимому, и в придворном церемониале) — ср., например, описание торжеств по случаю рождения в 1532 г. брата Ивана Грозного, Юрия Васильевича: «А коли родился князь Юрь и Васильевич великого князя сын, и толды большой наряд был, а боярон много было. И толды была верхняя лавка, а в верхней лавке сидели в большом месте Челяднины Олена да Огрофена. А Глинские книини Анна да книини Настасья сидели конец стола» [Бычкова 1977: 121 <л. 286>].

В биографическом справочнике, сопровождающем публикацию С. В. Стрельникова и А. П. Павлова [2024: 337, 363] межвых книг Троице-Сергиева монастыря, Елена ошибочно названа женой Василия Андреевича Челяднина, а не его брата Ивана Андреевича (как это было в действительности).

Ивановича Челяднина — единственного отпрыска мужского пола, на которого не могли возлагаться надежды дальнейшего преуспеяния этого могущественного клана. Теперь же, к 1531 г., Предтеча сделался и небесным покровителем будущего царя Ивана Грозного, чаемого источника и гаранта этого преуспеяния.

Почему, однако, из всех церквей и празднований, связанных с Иоанном Предтечей, качестве места вклада Аграфена выбрала, скажем, не обетную деревянную церковь Усекновения главы, возведенную в том же году в честь рождения Ивана Грозного [ПСРЛ, VIII: 278; XIII: 59], а именно тот Предтеченский храм, который находился в Кремле? Подобное решение в любом случае не кажется странным: очевидно, что кремлевские храмы были важны и для великокняжеского рода, и для столь приближившейся к нему семьи Челядниных. Вероятно, впрочем, определенное значение приобретало еще одно обстоятельство: предпразднество престола здесь совпадало с именинами самой Аграфены: как уже говорилось, память мученицы Агриппины приходится на 23 июня, тогда как Рождество Иоанна Крестителя — на 24 июня. Не исключено, таким образом, что Аграфена была лично связана с этой церковью еще до рождения княжича, а его появление на свет еще более эту связь упрочило.

Скорее всего, брак Ивана / Сильвестра Ивановича Челяднина с сестрой великой княгини Анастасией Глинской — если этот матримониальный союз и впрямь имел место — был заключен уже в пору вдовства Аграфены Федоровны. Играла ли она какую-то роль в его обустройстве, сейчас сказать невозможно, однако участие Ивана Ивановича в придворных церемониях наряду с Телепневым-Оболенским не позволяет усомниться в том, что тетка и племянник тем или иным образом поддерживали друг друга, причем здесь скорее старшая родственница стремилась отдать долг семье Челядниных, делая для этого рода то, что было в ее силах, а заодно, разумеется, укрепляя собственное положение при дворе. Проект этот, впрочем, оказался успешным лишь до некоторой степени. Сам Иван / Сильвестр хотя как будто бы и не пострадал от опалы своей тетки Аграфены, прожил не слишком долго и потомство по себе так и не оставил — с его смертью в 1541 г. мужская линия Челядниных пресеклась.

Что случилось с Аграфеной Федоровной после вынужденного пострижения и перемещения в Каргополь, мы не знаем. Доподлинно известно лишь, что в монашестве она стала *Анастасией* (т. е. ее иноческое имя, в полном соответствии с общей тенденцией того времени, было выбрано по созвучию с крестильным), и в немногих документах оставшейся родни она может фигурировать как *старица Настасья*, поминовение которой предусматривается в земельных даяниях. Однако на

сегодняшний день мы не можем даже приблизительно сказать, когда она скончалась — уж очень большой промежуток отделяет год ее пострижения (1538) от даты дошедшего до нас документа, где она упоминается как умершая (1566/67). Документ этот — не что иное, как Данная ее дочери Марии архимандриту московского Новоспасского монастыря, составленная тою относительно незадолго до краха ее собственной семьи [Назаров 1998: 257–259 <№ 119>]²⁶.

Характерно, что эта дочь Аграфены (по первому браку княгиня Дорогобужская) до 1545 г. успевает дать вкладом в Иосифо-Волоцкий монастырь «въздух невеликъ» [Георгиевский 1911: 6 <Прилож.>; Голубцов 1912: 125], как предположила В. А. Меняйло [1995: 21–22], этот же предмет охарактеризован чуть более подробно в монастырской Описи 1572 г., где сообщается, что он был вышит на багровом атласе, имел опушку из разноцветной шелковой камки и нес изображения креста, страстей Христовых «да образ Господен». Не исключено, что то был вклад по ее первому мужу, Ивану Осиповичу Дорогобужскому, погибшему в 1530 г. под Казанью, и/или их сыну Дмитрию²⁷. Так или иначе, весьма существенно, что Мария Васильевна следует за матерью, Аграфеной, в традиции давать в качестве вклада шитье; можно допустить даже существование в семье Челядниных самостоятельных мастерских, подобных тем, что впоследствии были, например, в семье царского дяди, Дмитрия Ивановича Годунова.

²⁶ Упоминание о «старике Настасеѣ», т. е., со всей очевидностью, о нашей Аграфене Челяднине, есть и в Данной на вотчину мужа Марии Васильевны, боярина И. П. Федорова-Челяднина (см. о нем далее в примеч. 28), Кириллову Белозерскому и московскому Новоспасскому монастырям того же 1566/67 г. [Назаров 1998: 256 <№ 118>]. М. Е. Бычкова и О. И. Хоруженко [2024: 54] ошибочно, на наш взгляд, полагают, что речь здесь идет о жившей в конце XIV — первой трети XV в. прапрабабке И. П. Федорова-Челяднина, Аграфене Дмитриевне (урожденной Монастыревой), супруге Ивана Андреевича Хромого, и реконструируют на этом основании факт ее монашеского пострига с именем *Анастасия*, будто бы имевший место после кончины мужа. В уже упоминавшемся выше биографическом справочнике к публикации С. В. Стрельникова и А. П. Павлова [2024: 328, 363] межевых книг Троице-Сергиева монастыря иноческий статус супруги Василия Андреевича Челяднина никак не оговаривается — это вводит читателя в заблуждение, заставляя думать, что тот был женат на некоей Анастасии.

Еще одна грамота самой Марии Васильевны — Данная Троице-Сергиевому монастырю на сельцо Кишкино с деревнями в Коломенском уезде и на сельцо Богородицкое с деревнями в Юрьевском уезде Польского — датирована 7072/1564 г. (Архив СПб ИИРАН, ф. 29, оп. 1, ед. хр. № 8 (Ч. IV), № 1264, л. 1599–1600) (Лебедев 1881: 28 <№ 128>; Шумаков, Шохин 2002: 34–35 <№ 73>); ср.: [Лихачев 1900: 78]), однако в ней вкладчица не называет по именам своих родителей.

²⁷ Во Вкладной книге Иосифо-Волоцкого монастыря зафиксирован денежный вклад, который княгиня Мария Дорогобужская, урожденная Челяднина, дала по сыну Дмитрию, вероятно, еще до гибели его брата Ивана [Титов, 1906: 4, 27–28 <№ 93>].

Как мы помним, другой сын Марии Васильевны от брака с князем Дорогобужским был казнен в 1547 г., а ее второй муж и отдаленный родственник, Иван Петрович Федоров-Челяднин²⁸, успевший получить титул боярина и конюшего, стал одной из жертв Ивана Грозного два десятка лет спустя, в 1568 г. Если верить рассказу А. Шлихтинга [Малеин 1935: 56 <л. 15–15об.>], Грозный обрядил его в царское платье, посадил на трон и собственноручно заколол ножом²⁹. Что же касается судьбы самой Марии Васильевны, то Курбский в своей «Истории» [2015: 154, 156 <л. 93>] говорит, будто она была убита в ту же пору вместе с домоладцами, тогда как Шлихтинг и Гваньини утверждают, будто ее оставили в живых, но принудительно постригли в монахини [Малеин 1935: 57 <л. 15об.>; Козлова 1997: 104–105]³⁰. Разрешить это противоречие

²⁸ Фигура Ивана Петровича Федорова весьма интересна сама по себе, но для нас, пожалуй, наиболее существенны некоторые аспекты его генеалогического и матримониального досье. Курбский именует его *Челядниним*, благодаря чему возникло подозрение, будто он был сыном Петра Федоровича Челяднина и, соответственно, приходился своей супруге двоюродным дядей. В таком случае его брак с Марией Васильевной противоречил бы каноническим нормам. Однако, как убедительно показал Н. П. Лихачев [1900: 75–77], ничего подобного в действительности не было: на самом деле Иван Петрович состоял со своей супругой в весьма отдаленном родстве (9-я степень), заведомо допустимом для матримониального союза с канонической точки зрения. Строго говоря, *Челядниним* он и не был, во всяком случае Иван Петрович обыкновенно именуется в источниках *Федоровым* или *Давыдовым* (по деду или прадеду). При этом едва ли можно сказать, что Курбский ошибался, присваивая ему такое родовое прозвание — он не только принадлежал к одному с ними большому роду, но, вплотную приобщившись благодаря браку к этой семье, некогда могущественной, но на глазах лишавшейся мужского продолжения, по-видимому, хотя бы отчасти перенимал в глазах окружающих их родовые права. В частности, неслучайным кажется, что именно он вслед за представителями нескольких поколений Челяднинных получил чин боярина и конюшего (в этом качестве он фигурирует в источниках с 1546 г. [ПСРЛ, XXXIV: 27 <л. 57>]).

²⁹ Сходный рассказ появляется в сочинениях Александра Гваньини [Козлова 1997: 102–105] и Пауля Одерборна [2024: 110–111 <гл. 67>]; в «Послании» Таубе и Крузе о казни Ивана Петровича сообщается в весьма лаконичной манере и о судьбе его супруги ничего не говорится [Рогинский 1922: 40].

³⁰ Известия А. Шлихтинга и А. Гваньини побуждали исследователей искать следы монашеской жизни Марии Васильевны. С. Б. Веселовский [1963: 128, 463], говоря о Марии Васильевне, в своей книге ссылается на Шлихтинга, но вопреки очевидности именует ее родной племянницей, а не дочерью «мамки Аграфены» (эта же ошибка воспроизводится в монографии В. А. Колобкова [2017: 181]). В своих неопубликованных материалах Веселовский утверждает, что «Марья после смерти мужа постриглась (в иночестве Маремьяна) и в 1569 г. сделала вклад вещами Иосифову Волоколамскому монастырю, а вскоре после этого умерла» (Архив СПб ИИРАН, ф. 29, оп. 1, ед. хр. № 8 (Ч. IV), № 1264, л. 1600). Конкретный источник этих сведений исследователь не указал, возможно, он имел в виду запись из Вкладной книги Иосифо-Волоцкого монастыря, которую мы приводим в нашей работе ниже. Р. Г. Скрынников [1992: 337, 346 <примеч. 256>] опирается в своем изложении событий 1568 г. на свидетельство Шлихтинга, но ссылается при этом на сочинение Курбского, где они представлены иначе. К. Ю. Ерусалимский в примечаниях к «Истории» князя Курбского принимает

способна, как кажется, киноварная помета в Синодике ризницы Троице-Сергиева монастыря 1575 г.: на одном из листов в сплошном перечне поминаемых над словами «ино^му Маремі^аноу» записано «Васи^аева до^ч Чел^анина» (ОР РГБ, ф. 304. III № 25: л. 90).

Эта помета позволяет нам заключить, что Мария Васильевна до кончины все же успела принять иноческий постриг с именем *Маремьяна* (*Мариамна*). Весьма соблазнительно в таком случае связать с нею запись из Вкладной книги Иосифо-Волоцкого монастыря, предписывающую поминать «Иванову жену Петровича иноку Маремьяну во вседневномъ списке и в синаникѣ, доколе и манастырь Пречистыя стоять, ис повседневнога списка и из синаника ея не выгладити, а дала на то инока Маремьяна на воздухъ, да вошвы, да круживо, да пелену, а на пеленѣ шито Успение Пречистыя Богородицы, а по полемъ икосы, а цѣна воздуха, да вошвамъ, да круживу, да пеленѣ семнатцать рублевъ, да дватцать рублевъ денегъ» [Титов 1906: 71–72 <№ 330>]. Приведенное свидетельство очень интересно само по себе, так как снабжает нас ценными данными о практике и «экономической составляющей» заказа лицевого шитья. Учитывая то обстоятельство, что несколькими десятилетиями ранее — в своей мирской жизни — Мария (Мариамна) уже жертвовала лицевое шитье в Иосифо-Волоцкий монастырь (см. выше), такая идентификация вкладчицы представляется весьма правдоподобной, хотя мы и не можем утверждать это с абсолютной уверенностью³¹. Так или иначе, Мария Васильевна стала последней представительницей семьи Челядниных, и с ее кончиной живая память об Аграфене Федоровне, по-видимому, утратилась.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

СПб ИИРАН — С.-Петербургский Институт истории Российской академии наук (С.-Петербург).

за фактическое положение дел версию Шлихтинга и Гваньини о монашеском постриге (не упоминая этих авторов и не приводя иной аргументации в ее пользу) [Курбский 2015: 740 <к л. 93-6>].

³¹ Инокиней Маремьяной (Мариамной), теоретически говоря, могла быть и другая женщина, к примеру, упоминаемая в монастырском «Обиходнике» инока Маремна, мать игумена Вассиана (в миру Василия Ивановича) [Леонид Красноповков 1863: 4].

Библиография

Источники

Акты юридические... 1838

Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, С.-Петербург, 1838.

АФЗХ, I–III

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв., I–III, Москва, 1951–1961.

БК

Родословная книга князей и дворян российских и въезжих..., I–II, Москва, 1787.

ВКЛ ТС

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, Москва, 1987.

ДРВ, I–XX

Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым, изд. 2-е, вновь испр., I–XX, Москва, 1788–1791.

Книга вкладная... 1728

Книга вкладная кто что по обещанию дал вкладу в вечный помянок в дом Живончальные Троицы в Ыпацкий монастырь, 1728, Костромской музей-заповедник (КМЗ КОК 24010).

ПСРЛ, I–XLIII

Полное собрание русских летописей, I–XLIII, С.-Петербург (Петроград/Ленинград), Москва, 1841–2004.

РК

Разрядная книга 1475–1605 гг., I, 1, Москва, 1977.

Сб. РИО 1887

Сборник императорского Русского Исторического Общества, LIX: Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским, II (1533–1560), С.-Петербург, 1887.

СлРЯ, I–XXX–

Словарь русского языка XI–XVII вв., I–XXX–, Москва, 1975– .

Литература

Антонов 2003

Антонов А. В., Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI веков, *Русский дипломатий*, IX, Москва, 2003, 3–37.

Белокуров 1906

Белокуров С. А., *О Посольском приказе*, Москва, 1906.

Берх 1833

Берх В. Н., *Систематические списки боярам, окольных чинам думным дворянам с 1408 года до уничтожения сих чинов*, С.-Петербург, 1833.

Бычкова 1977

Бычкова М. Е., Родословие Глинских из Румянцевского собрания, *Записки Отдела рукописей. Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина*, 38, Москва, 1977, 104–125.

Бычкова, Хоруженко 2024

Бычкова М. Е., Хоруженко О. И., Местнические памяти конца XV в., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2024, 2 (96), 42–59.

Веселовский 1963

Веселовский С. Б., *Исследования по истории опричнины*, Москва, 1963.

——— 1975

Веселовский С. Б., сост., *Акты русского государства, 1505–1526 г.*, Москва, 1975.

Георгиевский 1911

Георгиевский В. Т., *Фрески Ферапонтова монастыря*, С.-Петербург, 1911.

——— 1914

Георгиевский В., Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры, *Светильник: Религиозное искусство в прошлом и настоящем*, 1914, 11–12, 3–26.

Голубцов 1912

Голубцов А. П., *Сборник статей по литургике и церковной археологии*, Сергиев Посад, 1912.

Зимин 1988

Зимин А. А., *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой половине XVI в.*, Москва, 1988.

Зимин, Лурье 1959

Зимин А. А., Лурье Я. С., подг. текста, *Послания Иосифа Волоцкого*, Москва, Ленинград, 1959.

Кавельмахер, Чернышев 2008

Кавельмахер В. В., Чернышев М. Б., *Древний Борисоглебский собор в Старице*, Москва, 2008.

Катасонова 2024

Катасонова Е. Ю., Вышивальная мастерская Суздальского Покровского монастыря (последняя треть XVI – начало XVII в.), *I Маясовские чтения. Церковное шитье: История и современность. Сборник статей по материалам научно-практической конференции (Государственный Русский музей, 10–11 октября 2019 г.)*, С.-Петербург, 2024, 43–89.

Кириченко, Николаева 2008

Кириченко Л. А., Николаева С. В., *Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация)*, Москва, 2008.

Козлова 1997

Козлова Г. Г., пер., ст. и комм., *Александр Гваньини. Описание Московии*, Москва, 1997.

Колобков 2017

Колобков В. А., *Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного*, С.-Петербург, 2017.

Корзинин 2016

Корзинин А. Л., *Государев двор русского государства в доопричный период (1550–1565 гг.)*, Москва, С.-Петербург, 2016.

——— 2023

Корзинин А. Л., ред., *Русские княгини и их дворы в XI–XVI веках*, Москва, С.-Петербург, 2023.

Кром 2010

Кром М. М., *«Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века*, Москва, 2010.

Курбский 2015

Андрей Курбский, *История о делах великого князя Московского*, Москва, 2015.

Лебедев 1881

Лебедев Д., изд., *Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева*, Москва, 1881.

Леонид Кавелин 1879

Леонид (Кавелин), Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры, Горский А. В., *Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида*, Москва, 1879.

Леонид Краснопевков 1863

Леонид (Краснопевков), Выписка из «Обихода» Волоколамского Иосифова монастыря конца XVI века, о дачах в него для поминовения по умершим, *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских*, 1863, IV, V: Сметь, 1–8.

Литвина, Успенский 2018

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси, *Средневековая Русь*, 13, Москва, 2018, 241–280.

— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

— 2022

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*, С.-Петербург, 2022.

Лихачев 1900

Лихачев Н. П., Заметки по родословным некоторых княжеских фамилий, *Известия русского генеалогического общества*, 1900, I, I, 70–113.

— 1895

Лихачев Н. П., *Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках*, I: Духовные и сговорные грамоты; II: Грамоты правяя, С.-Петербург, 1895.

Лобанов-Ростовский, I–II

Лобанов-Ростовский А. Б., *Русская родословная книга*, I–II, С.-Петербург, 1895.

Малеин 1935

Малеин А. И., пер., ред., примеч., *Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга*, изд. 4-е, доп. и испр., Ленинград, 1935.

Маясова 1971

Маясова Н. А., *Древнерусское шитье*, Москва, 1971.

— 1983

Маясова Н. А., Два произведения лицевого шитья боярских мастерских XVI в., *Памятники культуры. Новые открытия, 1981: Письменность, искусство, археология*, Ленинград, 1983, 352–361.

Меняйло 1995

Меняйло В. А., Художественное шитье в храмах Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI века, *Древнерусское художественное шитье*, Москва, 1995 (= Музеи московского Кремля: Материалы и исследования, X), 14–25.

Назаров 1998

Назаров В. Д., отв. ред., *Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв.*, Москва, 1998.

Николаева 1971

Николаева Т. В., *Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в.*, Москва, 1971 (= Археология СССР: Свод археологических источников, Е1-49).

Одерборн 2024

Пауль Одерборн, *Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии*, С.-Петербург, 2024.

Павлов-Сильванский 1985

Павлов-Сильванский В. Б., подг. текста, вст. ст., *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря*, Москва, 1985.

Рогинский 1922

Рогинский М. Г., пер. и вст. ст., Письмо Иоганна Таубе и Элерта Крузе, *Русский исторический журнал*, 1922, 8, 8–59.

Розов 1965

Розов Н. Н., Похвальное слово великому князю Василию III, *Археографический ежегодник за 1964 г.*, Москва, 1965, 278–289.

Рыков 2020

Рыков Ю. Д., Потомки князя Владимира Андреевича Старицкого и судьба его дочери Марии (в иночестве Марфы), королевы ливонской, *Российская генеалогия: научный альманах*, VIII, Москва, 2020, 7–45.

Сергеев, I–II

Сергеев А. В., *Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI – начала XVII в.*, I–II, С.-Петербург, 2023.

— 2023

Сергеев А. В., Князья Гундоровы в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование, *Российская генеалогия: научный альманах*, XIII, Москва, 2023, 116–178.

Скрынников 1992

Скрынников Р. Г., *Царство террора*, С.-Петербург, 1992.

Спирина 1998

Спирина Л. М., Святые князья Борис и Глеб на произведениях золотого и серебряного дела XVI–XVII вв. из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника, *Культура славян и Русь*, Москва, 1998, 429–453.

Стерлигова 2008

Стерлигова И. А., К истории иконы «Богородица Одигитрия Иоасафовская», *Иконографические новации и традиция в русском искусстве XVI века: Сборник статей памяти Виктора Михайловича Сорокатого*, Москва, 2008, 161–172.

Стрельников, Павлов 2024

Стрельников С. В., Павлов А. П., публ., Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI века, *Российская генеалогия: Научный альманах*, XV, Москва, 2024, 7–432.

Титов 1902

Титов А. А., *Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря*, Москва, 1902.

— 1906

Титов А. А., *Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену императорского русского археологического общества И. А. Вахромееву*, V, Москва, 1906.

Успенский, Успенский 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, С.-Петербург, 2017.

Шаблова 2004

Шаблова Т. И., подг. текста, иссл., *Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479 – 1510-е годы)*, С.-Петербург, 2004.

Шапошник 2016

Шапошник В. В., Правительница Елена Глинская и московская элита, *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*, 2016, 5, 395–409.

Шумаков, Шохин 2002

Шумаков С., *Обзор «Грамот Коллегии Экономии»*, V: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздаля, Юрьев-Польскому и Вологде, Шохин Л. И., сост., Москва, 2002.

Щепкина 1954

Щепкина М. В., *Изображение русских исторических лиц в шитье XV века*, Москва, 1954 (= Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры, XII).

Benoit 2020

Benoit A., *Johann Taube and Elert Kruse. A Broken Window on Ivan IV's Oprichnina*, Canadian-American Slavic Studies, 2020, 54, 329–386.

Hoff 1582

Georg vom Hoff, *Erschreckliche, greuliche vnd vnerhorte Tyranny Iwan Wasilowitz, itzo regierenden Großfürsten in Muscow, so er vorrückter Jar an seinen Blutsverwanten Freunden, Underfürsten, Baiouaren vnd gemeinem Landtuolck vnmenschlicher weise, wider Gott vnd Recht erbermlich geübet...*, S.l., 1582.

Ewers 1816

Ewers G., Hrsg., Zar' Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Johann Taube und Elert Kruse. 1572, *Beiträge zur Kenntnis Russlands und seiner Geschichte*, Dorpat, 1816, 185–238.

Kollmann 1987

Kollmann N. S., *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*, Stanford, California, 1987.

References

Antonov A. V., Vkladchiki Uspenskogo Goritskogo monastyria 15–16 vekov, *Russkii diplomatarii*, 9, Moscow, 2003, 3–37.Bychkova M. E., Rodoslovie Glinskikh iz Rumiantshevskogo sobraniia, *Zapiski Otdela rukopisei. Gosudarstvennaia ordena Lenina biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina*, 38, Moscow, 1977, 104–125.Bychkova M. E., Khoruzhenko O. I., Mestnichestvo Memories of the Late 15th Century, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2024, 2 (96), 42–59.Kawelmacher W. W., Chernyshev M. B., *Drevnii Borisoglebskii sobor v Staritse*, Moscow, 2008.Katonova E. Yu., Vyshival'naia masterskaia Suzdal'skogo Pokrovskogo monastyria (posledniaia tret' 16 — nachalo 17 v.), *1 Maiasovskie chteniia. Tserkovnoe shit'e: Istoriia i sovremennost'. Sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii (Gosudarstvennyi Russkii muzei, 10–11 oktiabria 2019 g.)*, St. Petersburg, 2024, 43–89.Kirichenko L. A., Nikolaeva S. V., *Kormovaia kniga Troitse-Sergieva monastyria 1674 g. (Issledovaniia i publikatsiia)*, Moscow, 2008.Kollmann N. S., *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547*, Stanford, California, 1987.Kolobkov V. A., *Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержavii: Oprichnina Ivana Groznogo*, St. Petersburg, 2017.Korzinin A. L., *Gosudarev dvor russkogo gosudarstva v dooprichnyi period (1550–1565 gg.)*, Moscow, St. Petersburg, 2016.Korzinin A. L., ed., *Russkie kniagini i ikh dvory v 11–16 vekakh*, Moscow, St. Petersburg, 2023.

Krom M. M., “Vdovstviushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov 16 veka, Moscow, 2010.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., Monasheskoe imia i fenomen svetskoi khristianskoi dviimennosti v dopetrovskoi Rusi, *Srednevekovaia Rus'*, 13, Moscow, 2018, 241–280.Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...” *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)*, St. Petersburg, 2022.Mayasova N. A., *Drevnerusskoe shit'e*, Moscow, 1971.Mayasova N. A., Dva proizvedeniia litsevoego shit'ia boiarskikh masterskikh 16 v., *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia, 1981: Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiia*, Leningrad, 1983, 352–361.Menyailo V. A., Khudozhestvennoe shit'e v khramakh Isofio-Volokolamskogo monastyria v pervoi polovine 16 veka, *Drevnerusskoe khudozhestvennoe shit'e*, Moscow, 1995, 14–25.

Nikolaeva T. V., *Proizvedeniia russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisiami 15 – pervoi chetverti 16 v.*, Moscow, 1971.

Rozov N. N., Pokhval'noe slovo velikomu kniaziu Vasiliu 3, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 g.*, Moscow, 1965, 278–289.

Rykov Yu. D., Descendants of prince Vladimir Andreevich Staritsky and the fate of his daughter Maria (in monasticism – Marfa), Queen of Livonia, *Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh*, 8, Moscow, 2020, 7–45.

Sergeev A. V., Kniazheskie familii v Moskovskom gosudarstve vtoroi treti 16 – nachala 17 v., 1–2, St. Petersburg, 2023.

Sergeev A. V., The princes Gundorov in the Russian state of the XVI–XVII centuries: historical and genealogical research, *Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh*, 13, Moscow, 2023, 116–178.

Shaposhnik V. V., Governess Elena Glinskaya and the Moscow Elite, *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh*, 2016, 5, 395–409.

Shchepkina M. V., *Izobrazhenie russkikh istoricheskikh lits v shit'e 15 veka*, Moscow, 1954.

Shumakov S., *Obzor "Gramot Kollegii Ekonomii"*, V: Materialy po Vladimiru, Gorokhovtsu, Muromu,

Suzdaliu, Iur'ev-Pol'skomu i Vologde, Moscow, 2002.

Skrynnikov R. G., *Tsarstvo terrora*, St. Petersburg, 1992.

Spirina L. M., Sviatye kniaz'ia Boris i Gleb na proizvedeniakh zolotogo i serebriannogo dela 16–17 vv. iz sobraniia Sergievo-Posadskogo muzeia-zapovednika, *Kul'tura slavian i Rus'*, Moscow, 1998, 429–453.

Sterligova I. A., K istorii ikony «Bogomater' Odigitriia Ioasafovskaia», Ikonograficheskie novatsii i traditsiia v russkom iskusstve XVI veka: Sbornik statei pamiati Viktora Mikhailovicha Sorokatogo, Moscow, 2008, 161–172.

Strel'nikov S. V., Pavlov A. P., The plat books of the Trinity-St. Sergius Monastery, the middle of the 16th century, *Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh*, 15, Moscow, 2024, 7–432.

Uspenskij B. A., Uspenskij F. B., *Inocheskie ime-na na Rusi*, St. Petersburg, 2017.

Veselovskiy S. B., *Issledovaniia po istorii oprichniny*, Moscow, 1963.

Zimin A. A., *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine 15 – pervoi polovine 16 v.*, Moscow, 1988.

Анна Феликсовна Литвина, кандидат филологических наук,
доцент школы филологии
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
annalitvina@gmail.com

Федор Борисович Успенский, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
fjodor.uspenskiy@gmail.com

Received June 24, 2024